

“перед смертью выкурить косяк марихуаны”

Дени Аркан — Газете

Знаменитый канадский режиссер Дени Аркан приехал в Москву, чтобы представить на премьере свой новый фильм «Нашествие варваров» — лауреата двух каннских наград, выдвинутый Канадой на соискание «Оскара». Перед премьерой с Дени Арканом

встретился Антон Долин.

Разговаривает — 2003 — 25.септ. — с. 7

Вас называют сатириком, а «Нашествие варваров» можно назвать фильмом скорее трогательным и интимным. Как вы пришли к этому?

В этом виноваты мои персонажи, они привели меня за собой. Когда тебе сорок пять, ты больше всего беспокоишься о том, с кем переспать на следующей неделе, как найти бутылку вина получше, где поесть повкуснее, как развлечься. Когда тебе исполняется пятьдесят пять, проблемы меняются. Теперь ты начинаешь думать о болезнях, беспокоиться об умирающих, тебя занимают семейные вопросы — выросли дети, и ты их не понимаешь... или они — тебя. Дистанция растет. Мои персонажи постарели, и я вместе с ними.

А почему вы вообще решили вернуться к персонажам «Заката американской империи»?

Я не собирался к ним возвращаться. Когда-то я снял «Закат», свой первый фильм, и рассказал в нем о себе сорокалетнем. Я завершил картину и был уверен, что больше не вернусь к ее героям. Забавно, что мои продюсеры в то время уговаривали меня снять сиквел — на них неплохо зарабатываю! — но я отказался. На протяжении долгих лет я мечтал снять фильм о человеке, встречающем смерть. Государственные больницы чудовищны, ты оказываешься в полном одиночестве, лицом к лицу со смертью. Не знаю, откуда взялось это желание... Может, дело в том, что со времен первого фильма в моей жизни многое изменилось. Умерли мой дедушка, моя мать и мой отец — и все умерли в больницах, а я переживал смерть за смертью и старел сам. Многие из моих друзей ушли, другие тяжело больны.

Я пытался писать об этом сценарии, но все время получалось что-то жуткое, тяжелое, похоронное, и я было уж бросил все усилия: мне хотелось чего-то противоположного, фильма о смерти, который стал бы гимном жизни! Фильма, где постоянно бы улыбались и смеялись. И однажды, пару лет назад, мне вдруг пришло в голову, что можно вернуть моих персонажей из «Заката американской империи», и с ними я смогу найти верный тон. Все последующее было очень простым: я мигмом написал сценарий и приступил к съемкам. Кто еще, кроме этих людей, смог бы перед самой смертью выкурить последний косяк марихуаны, вспоминая о сексуальных похождениях и обо всех бывших удовольствиях, что остались в прошлом? Так все и сложилось.

«Нашествие варваров» — фильм о смерти, но в Каннах на премьере весь зал хохотал вплоть до последних двадцати минут, самых драматических. Вы этого добивались?

Именно этого. Странно говорить это русскому, но мне хотелось достичь интонации чеховских комедий. Нередко их исполняют как трагедии, но сам Чехов упорно называл свои пьесы комедиями. Мне нравится этот жанр: комедия на поверхности, драма в глубине. Важно почувствовать трагедию

за смехом, и мне нравится, когда аудитория хохочет. Иначе получится что-то слишком суровое. Смерти надо бросить вызов и держаться до последнего момента — особенно зная, что в финале она все равно одержит верх.

Сюжет универсален, а тема очень актуальная — нашествие варваров на последнюю империю нашей планеты. Кто они, эти варвары, вы так и не объясняете...

Ну, уж не русские, во всяком случае. Без варваров прожить невозможно. Варвар — это любой иностранец, чужак. Слово «варвар» было придумано греками, и они подразумевали под ним всех, кто не являлся греком! Грек цивилизован, остальные — варвары. Все зависит от того, где вы живете и кто вы такой. Если вы живете в Вашингтоне, ваши варвары — исламские фундаменталисты, атакующие башни Всемирного торгового центра. Для отца, который прожил жизнь среди книг, исповедуя европейскую культурную идеологию, собственный сын — никогда не открывавший книги, проводящий время со своим компьютером, играющий в видеоигры — типичный

варвар. Для полиции Монреаля варвары — наркодилеры, которые съезжаются со всего мира, привозя героин и морфин. Для обывателей варвары — иммигранты, которых в Канаде очень много. Чужое лицо — лицо варвара. В палате, где лежит мой герой Реми, его соседом становится индус, которого навещает вся его семья, и для него это настоящее нашествие.

Я тоже чувствую, что мою страну завоевывают. Но я ничего не имею против. Слово «варвар» не несет отрицательного смысла, я не считаю варваров злодеями. Это просто чужаки — их все больше, и нашествие далеко от конца.

Вы живете в Канаде, по мировым меркам — в провинции, но говорите о закате американской империи, которую практически не показываете!

Век, который только что начался, обречен на то, чтобы стать веком заката американской империи. США — империя, которая хочет контролировать мир, но постоянно подвергается атакам... как любая империя, впрочем. Империя всегда находится в состоянии войны. США — единственная империя нашей вселенной. Когда-то у нее

был противник, СССР, но потом он исчез. Теперь империя осталась в одиночестве, и контролировать окружающую реальность она не в состоянии. Она пытается — посмотрите на войны в Корее, Вьетнаме, Афганистане... И это будет продолжаться, стоит взглянуть на Пакистан или Северную Корею, Колумбию. Империя вынуждена держать столько своих легионов за границами, что нужны огромные суммы денег, а их сейчас не хватает даже у самой могучей империи. Поэтому начинается неизбежный закат.

Вы хотите сказать, что, где бы мы ни жили, тень единственной империи планеты обязательно покрывает нас?

Тень — точное слово. Мне кажется, что мы, канадцы, или даже вы, русские, получим возможность жить относительно спокойно в наступившем столетии. Ведь мы не входим в число потенциальных противников империи — поэтому нас она не тронет. Под условием, что вы согласитесь на их «Макдоналдс». На остальное им наплевать. Нас ждет долгий период мира, других — долгая эпоха войн. Канада в безопасности, она находится слишком близко к США. Ближайший к Монреалю большой город —

Нью-Йорк! Час полета на самолете. Однако мы — не американские граждане, мы не участвуем в их идеологии, мы для них — те же варвары.

Действительно существует это комическое противостояние между Канадой и Америкой — хотя бы в культурном отношении? Судя по документальным сатирам Майкла Мура или блистательным мультфильмам серии «Южный парк», это так.

Соперничества нет, они слишком огромны для нас. «Южный парк» или Майкл Мур выражают точку зрения нескольких умников, интеллектуалов, которые подшучивают над Штатами, делая их противником Канады. Для Госдепартамента Канада не существует. Кстати, канадское население тоже не подозревает об этих шутках. В Голливуде полным-полно канадцев, «Титаник» сделан большей частью канадцами! США слишком близки к нам чисто географически, чтобы мы расценивали друг друга как угрозу, даже гипотетическую. У меня есть зимняя квартира во Флориде, куда я иногда езжу — всего три часа лета, чтобы искупаться в океане! Мои соседи из Нью-Джерси понятия не имеют, чем я зарабатываю на жизнь. А я и объяснять не пытаюсь — для них весь кинематограф ограничивается Голливудом. Вот я им и наврал, что работаю в передаче новостей на канадском телевидении. Это им понятно, вопросов не вызывает.

Почему вы решили сыграть в собственном фильме крошечную роль профсоюзника-мафиози?

Чтобы посмеяться и заодно развлечь других. Сыграть бандита из профсоюзной мафии — что может быть забавнее? Есть и более серьезная причина. Я считаю необходимым время от времени напоминать себе, как трудно быть актером. Легче легкого сидеть за камерой и командовать: «Быстрее!», «Не так!», «Сыграй еще раз!» А когда прожектор светит на тебя, понимаешь, что это нелегкая профессия. Хотя мне она нравится.

Вы снимали свои предыдущие два фильма на английском, а в «Нашествии варваров» вернулись к шуткам «не для всех» и французскому языку. Нарочно сокращаете аудиторию?

Я сделал два фильма на английском и узнал, что моя публика не увеличилась ни на одного человека. Я даже спросил у своего продюсера, важно ли продолжать снимать фильмы по-английски, и услышал отрицательный ответ. Мои картины интересны определенному числу людей во всех странах мира, делаю я их на английском, французском, ирландском или хинди. Язык ничего не меняет. Мои фильмы стоят недорого, и, если их посмотрят по десять тысяч человек в большинстве цивилизованных столиц мира, моя публика достигнет десяти миллионов. Мне этого вполне достаточно, чтобы продолжать жить и работать.

фессора Реми. Жены, любовницы, друзья собираются у его ложа в последний раз. Когда-то все они воплощали упадок нынешнего мира, а теперь некому, кроме них, поддерживать огонь на последнем маяке здравого смысла, культуры и цивилизации. Меняет интонацию и сам режиссер, переходя от скепсиса и сатиры к эгегической печали.

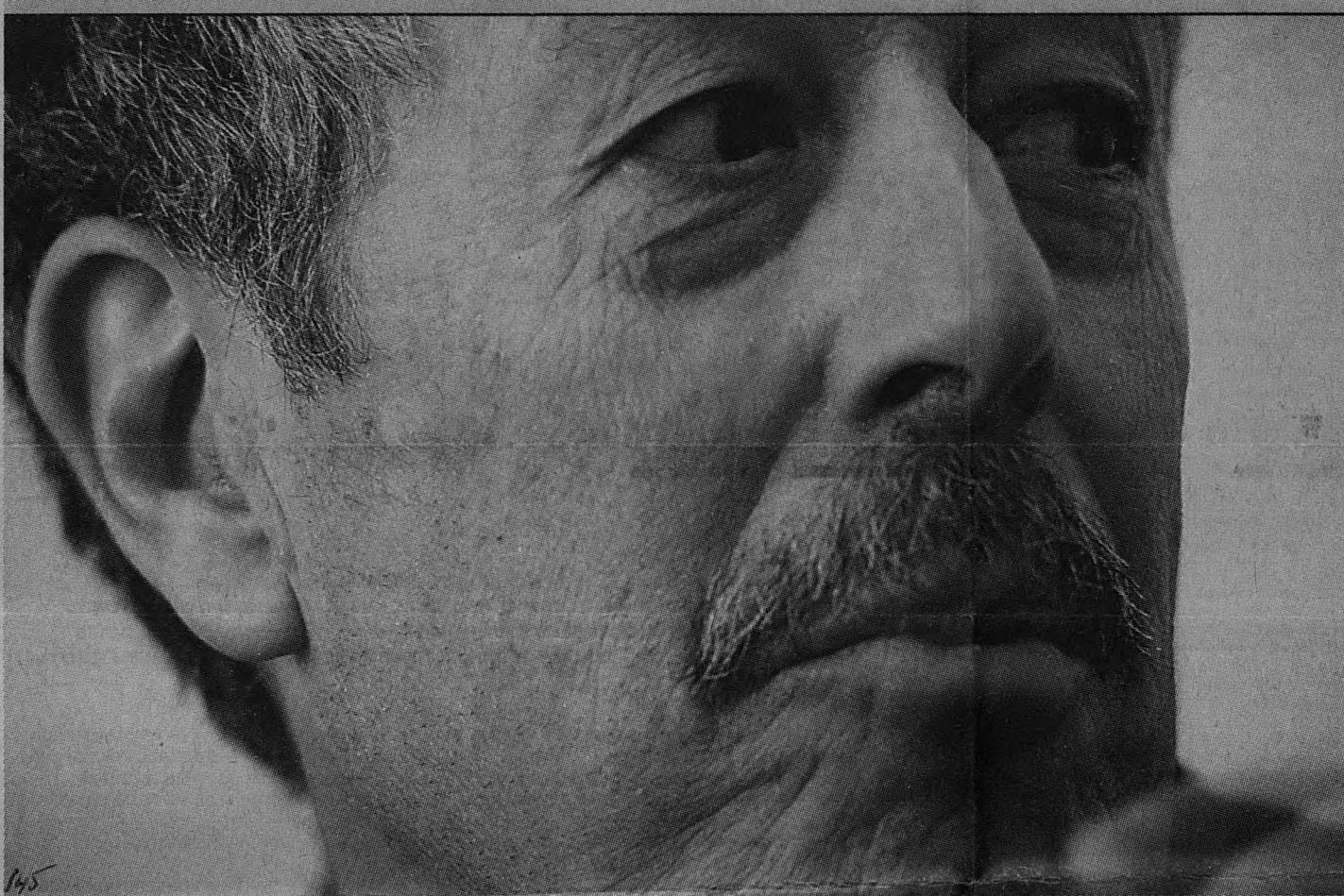
Как и в «Закате американской империи», Аркан через интимные диалоги нескольких интеллигентов стремится передать состояние общества. Заданная тема — смерть и упадок, а заодно возможные методы борьбы с ними. На уровне глобально-социальном особенных надежд на лучшее будущее не остается: теперь перед нами уже не великолепный нероновский Рим, которому и пропаганда первохристиан, и пожар нипочем, а распотанная коваными сапогами бородатых дикарей, уничтоженная, тлеющая империя. Кто есть варвары — арабские террористы или европейские интеллектуалы, а то и молодые прагматики, не помнящие родства, — бог весть. Варвары анонимны, падение империи бесспорно. Но есть и второй уровень, без которого фильм не смотрелся бы так живо и не вызывал бы у зрителей чувства сопричастности: история смерти человека, отчаянно не желающего умирать.

Здесь Аркан вдруг посылает политическую диагностику куда подальше, дабы исследовать способы борьбы с небытием. В «Нашествии варваров» целая энциклопедия таковых. Это и упрямое эпикурейство на краю могилы, в кругу друзей и милых женщин; и сознательная изматанная как знак непокорности судьбе; и не изменяющее в самых жутких ситуациях чувство юмора — идеальная панацея. Самое же главное — продолжение себя в потомстве. Один из «варваров», сын Реми, Себастьян, удачливый маклер из Лондона, приезжает в родной Монреаль поначалу с единственной целью: исполнить муторный долг перед давно чужим родителем. Однако к концу нелегкого пути ему удается не только помочь отцу, но даже обнять его напоследок, выдавив из себя слова любви. «Нашествие варваров» — замечательная вариация на тему «отцы и дети», силу и убедительность которой придает актерский дуэт Реми Жирара (Реми) и дебютирующего на экране канадского комика Стефана Руссо (Себастьян).

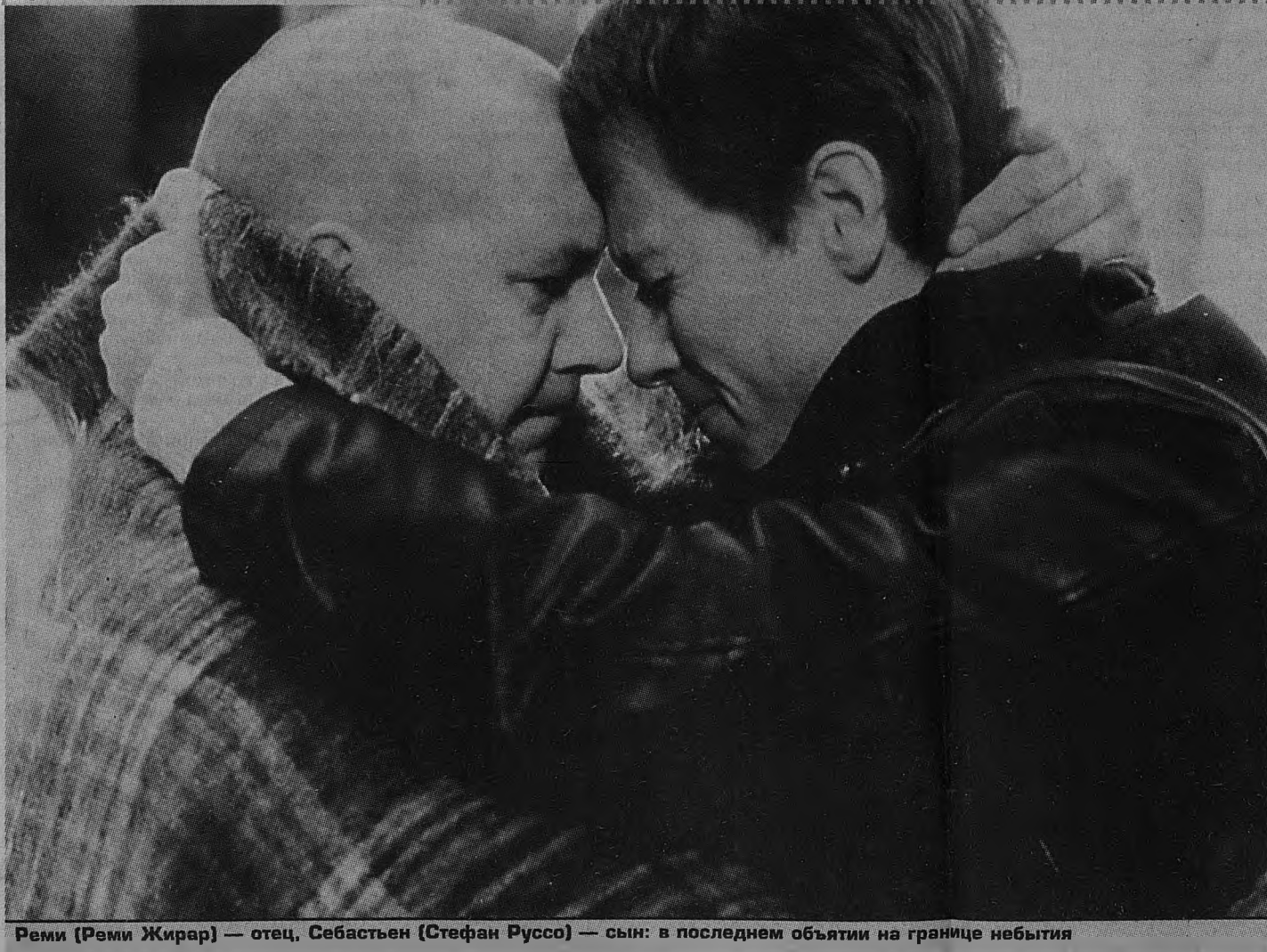
Конечно, «Нашествие варваров» — кино для подготовленных зрителей, которые знают хоть что-нибудь о 68-м годе, культурной революции, проблемах женской эмансипации и звездах черно-белого кинематографа. Но высшая ценность фильма в том, что он может затронуть также души и умы остальных. Все-таки рецепты победы над смертью должны заинтересовать не только интеллектуалов.

Дени Аркан: «Мне хотелось фильма о смерти, который стал бы гимном жизни, где бы постоянно улыбались и смеялись»

Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

премьера

Реми (Реми Жирар) — отец, Себастьян (Стефан Руссо) — сын: в последнем объятии на границе небытия

смерть заарканили

в Москве выходит «Нашествие варваров» Дени Аркана

Сегодня на российских экранах появится фильм, получивший призы в Каннах за сценарий и женскую роль, недавно признанный в Торонто лучшей канадской картиной года, а после того выдвинутый Канадой на соискание «Оскара», — «Нашествие варваров». Приехавший в Москву знаменитый режиссер Дени Аркан представит фильм публике завтра — на официальной премьере в зале ЦДЛ.

АНТОН ДОЛИН

Через неделю после появления на экранах «Его брата» Патриса Шеро выходит еще один франкоязычный фильм, посвященный теме смерти и самому процессу умирания, — «Нашествие варваров» Дени Аркана (нельзя не отметить, что обе картины в России прокатывает одна компания, GP).

Не уступая «Его брату» в художественной выразительности, «Нашествие варваров» рисует куда более оптимистическую картину ухода из жизни. После просмотра этого фильма умирать уже не страшно — только грустно, не более. И чем больше грусти вызывает факт неизбежного исчезновения с лица земли, тем чаще Дени Аркан старается разогнать тучи при помощи замечательно остроумных шуток. Вот парадокс: на премьере фильма, посвященного отходу в мир иной, зал дружно хохотал, отдавая должное блистательным диалогам. Отсюда заслуженный приз за лучший сценарий, «усиленный» несопоставимой по масштабу наградой за женскую роль Мари-Жозе Кроз (отечественная публика помнит ее по «Ара-рату» Атома Эгояна).

Достоинства молодой канадки можно обсуждать, но заслуги перед человечеством Дени Аркана — одного из последних гуманистов мирового кино — бесспорны. Любопытно проследить путь этого режиссера, давнего лидера франко-канадского кино, к «Нашествию варваров». Начинал он вполне по-варварски, и ряд его ранних документальных фильмов цензора порывался сократить или вовсе запретить. Скандально известный «Закат американской империи» рисовал беспрецедентно циничную — и при том изысканно-выдержанную — картину. Группа мужчин готовила гурманский ужин для своих женщин, обсуждая в самых свободных выражениях детали сексуальной жизни, а женщины в это же время в спортзале перемывали косточки мужчинам: затем одни встречались с другими, и... вместе вполне ожидаемой оргии или хотя бы скандала следовала чинная трапеза.

«Иисус из Монреаля» превращал бродячих актеров в полноправных представителей реального Мессии, которого с удовольствием заново распинали жизнерадостные канадцы. Не менее горький и ироничный портрет социума явили англоязычный дебют режиссера «Любовь и бранные останки» и сатирическая «Звездная болезнь». В «Нашествии варваров» Аркан вернулся к истокам, воскресив постаревших персонажей «Заката американской империи» в новых декорациях. Теперь им не до секса (если не считать ностальгических воспоминаний). Возраст берет свое, как следует из примера главного героя, смертельно больного университетского про-